

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ

1

Литературное произведение определяется ближайшим образом как продукт писательской личности. Изучая его, мы изучаем писательскую личность, создающую новое жизненное явление особого порядка – литературное произведение. Но всякая личность, данная в опыте интуитивно как особое и самостоятельное явление, по исследованию оказывается сложной и притом органической переработкой целого ряда взаимодействующих условий, а именно, в ее состав входят: 1) *индивидуальное зерно*, прирожденные в состоянии возможности 2) *внешние условия*, влияющие на его развитие, бытовые, общественные, политические 3) *идеи*, которыми в данный момент живет общество, идеи, во-первых, *общеевропейские*, во-вторых, *национальные*. Следствием этих взаимодействующих условий являются: 1) то, что называется, характер, т. е. известный нравственный уклад 2) *мировоззрение*, т. е. ряд общераспространенных мыслей, или прямо самостоятельных идей, вызванных на свет всеми унижительными условиями вместе, но в том и другом случае объединенным или темпераментом или одним живым смыслом. – Литературное произведение я рассматриваю как продукт личности именно в таком ее понимании, как сложного и органического целого. – В понятие «литературное» входит всякая высказанная разумная мысль общекультурного содержания, в какой бы форме она ни была высказана. Мы называем писателем того, в ком сказалась потребность передать обществу, в котором он живет или вообще поведать всем людям – всю совокупность или известную часть пережитого, пережитого, продуманного и осмысленного им – в сознании значительности и необходимости высказываемого – и передать так, чтобы читатель пережил его впечатление и передумал его мысль, вполне приобщился его писательской личности, что достигается особой творческой способности, которая высказанное писателем делает для читателя действительностью, притом действительностью, осмысленной в сознании писателя.

Писательская впечатлительность сложнее, интуиция тоньше и более чутка, мышление ярче и выпуклее; потому его восприятие идет глубже во внутреннее значение вещей и явлений, и потому же самому – надо думать – вся его психика становится творческой, поэтому и потребность его высказаться, приобщить к пережитому, воспринятому, сознannому, разгаданному других, будучи собственно естественной, всем свойственной потребностью, приобретает у него значение общее, а не остается частной, как таковая всякого человека. Благодаря исключительному развитию его, вообще говоря, естественных способностей, писатель *знает* жизнь и сердце, как выражаются, а благодаря особенно развитой потребности высказываться, то же, что и он, *знаем* мы все.

Общество без литературы – общество без голоса, не говоря уже про то, что это фикция. Писатель есть живой¹ голос общества, голос его непосредственных чувств или сознательно продуманных идей безразлично. Каждая писательская личность есть одна из наиболее чутких, сознательных, наиболее общественных и творческих индивидуальных единиц его. Между писателем и обществом теснейшая связь: он его голос, чтение есть общение с писательской личностью; таким образом, литература есть акт духовного общения. Изучать литературное произведение – значит изучать проявление общественных сил в их высшем психическом напряжении, сосредоточившимся в творческой мысли писателя, готовить себя к сознательному общению в высшем акте общественного сознания, – в литературе.

Из сказанного ясно, что при такой постановке вопроса – изучение литературного произведения, как продукта писательской личности, в принятом нами смысле, неотделимо от изучения самой этой личности, далее, что это изучение неотделимо и от изучения тех общественных сил, которых данная личность является, во-первых, хотя бы отчасти следствием, во-вторых, сознанием, следовательно, *неотделимо от изучения общественности (понимаемой, конечно,² в самом широком, общекультурном смысле).*

Но возможно ли изучение общественности вне ее истории? Разумеется, невозможно. Невозможно и изучение писательской личности вне истории общественности. Итак, всякое изучение литературы, если оно хочет быть научным, превращается в дисциплину общественно-исторического характера, если даже мы имеем дело не с собственно историей литературы. А если это так, то какое же самостоятельное значение может приобретать изучение отдельных произведений вне исторической связи, или чем будет изучение истории литературы отличаться от только что намеченного? – Они сливаются, – если только история литературы есть история³ общественного сознания, поднимающегося над общим историческим процессом, как его высшая психическая функция. А такой смысл, по справедливости, в общем представлении, литература постепенно и приобретает...

Каким же образом должно изучать историю литературы? Ее нельзя оторвать, иначе как насильно и искусственно от общекультурной истории. История культуры, исторический процесс, переживаемый человечеством вслед за естественно-исторической эволюцией, завершившейся человеком, есть великое органическое целое. Литература есть его творческая мысль и слово и общение в этой сказанной мысли. Как же отделить сказанную мысль от того, кто ее сказал, следовательно, литературу от культурного процесса, если желать понять ее истинный смысл. *История литературы есть развитие во времени одного сложного и органического общественно-психического явления, порождаемого под собой, выделяемого из себя всяким*

¹ Вычеркнуто: интуиция

² Вычеркнуто: разумеется

³ Далее вычеркнуто: высшего

общекультурным процессом. Изучать литературу вне связи с этим процессом, ее породившим, значит или ложно представлять ее, как независимую и несвязанную с ним, что неверно во всяком случае, или же изучать ее поверхностно, потому что, как уже указано, литература есть одно из проявлений этого процесса и каждая отдельная личность, через которую осуществляется литературное творчество.

Теперь, выяснив, почему, как мне кажется, изучение литературы должно быть историческим и притом входить как кровная составная часть в изучение общеисторическое, остается показать, что достигается подобного рода изучением?

[Историческое изучение культурного процесса человечества преобразует развивающееся в таком изучении сознание так сказать в историческое. И действительно. – Если современная жизнь во ее составе, во всех ее выражениях и формах является продолжением и развитием предшествующей истории, то не иметь в своем сознании всего пройденного пути, не сознавши себя ее живым следствием, значит иметь не пробужденное сознание, быть умственно слепым, как говорят обыкновенно «неразвитым» человеком. Мы живем и мыслим, но мы не можем мыслить себя как отдельное, а не как часть целого. Притом это целое есть не только современность: оно содержит в себе совершившуюся эволюцию и будущую, как возможную. Каждая индивидуальная личность есть историческое звено.

Сознать себя как часть целого, значит сознать себя не только как часть современного целого, но и прошлого и будущего, как одну из слагаемых единиц продолжающегося процесса. А в сознании себя таким образом лежит и нечто большее, это – в то же время сознание прошлого, настоящего и будущего исторического процесса в самом себе, себя как носителя культуры. Нечего и говорить насколько такое сознание – глубоко воспитательно; сверх того, что оно открывает истинное значение человеческой личности – эта мысль о долге прошедшему и ответственности перед будущим. И вот изучение истории – есть в таком понимании способ культурного самосознания себя как живой части в великом целом и этого великого целого в самом себе. В зависимости от такого понимания изучение всякой истории должно быть построено так, чтобы история служила собственно большим введением в современность, так как подобное изучение непременно вплотную подходит или даже завершается изучением современности, как последних в данную минуту, исторических звеньев, и как история явится введением в современность, так и эта последняя явится прямым развитием, осязательным следствием всей предшествующей ей истории].⁴

[Итак, мы имеем уже важное педагогическое приобретение – историзм личного сознания, и сказали, что оно вызывается органической историчностью литературы. Однако здесь могло бы быть возражение, развитие такого рода не приобретается ли общим изучением истории без литературы? Что вносит литература собственно в историческом сознании? –

⁴ Эта часть текста выделена отчеркиванием синим и простым карандашом на полях

Литература сама по себе есть конкретное *проявление в личности* этого развивающегося в истории самосознания, так как литературный творческий процесс неотделим от личности, он совершается только через нее. Все изучение непосредственных продуктов личности, как явления, по существу, исторического и учится историчности каждое личное сознание. Наконец, в защиту исторического изучения литературы скажем, что неисторическое, помимо сказанного, всегда неполно и может привести к неправильным частным, а затем и общим выводам, которые бывали заурядным явлением, когда литература изучалась как выражались «теоретически»; так напр<имер> характеры в Евг<ении> Онегине, представляющие собой чистейшие продукты романтически настроенной общественности – изучаются вне всякой связи с романтизмом, Капитанская дочка – вне связи с дворянскими сочувствиями автора и т. п.

Однако после того, как определено, что изучение литературы в неразрывной связи с изучением истории имеет целью связать сознание человека т<ак> сказать <с> историческим, каким оно прежде всего как сознание культурное, и должно быть, мы еще не достигли действительного педагогического идеала: создания существа не только сознательного, но и деятельного.

Мало пробудить культурную память и осмыслить прошлым, развившимся во временном движении в настоящее, – свое место в общем процессе жизни, нужно развить в себе активные импульсы для того, чтобы способствовать продолжению истории личной деятельностью, участвовать в осуществлении исторических целей. Педагогический идеал этого настойчиво и естественно требует, иначе развитие даст одну бесплодную созерцательность, наука для науки, искусство для искусства, что не разумно и не нравственно.

В каком же случае изучение истории закончится]⁵ [пробуждением жизненно-творческих инстинктов и в каком случае просвещенный, но бездеятельный и наконец, мертвой созерцательностью? Что должно присоединиться к историческому обучению для достижения этой цели? Ответ сам собой разумеется. Если в это обучение не будет вложено никакого мировоззрения, заключающего в себе какие-либо нравственные принципы активного смысла, оно не может способствовать и пробуждению их; если не будет вложено какое-либо, то тем, что вложено, тем и проникнется воспитанник. Раз мы признаем, что всякое педагогическое воздействие есть достижение цели, каково бы она ни была, то какая же цель привлекает нас к себе, как достойная человека? Создать из ребенка существо деятельное или бездеятельное? Ответ на этот вопрос один. Если же мы скажем, что изучение истории имеет значение исключительное теоретическое, познавательное, то мы не должны забывать, что теоретическое – значит созерцательное следовательно бездейственное. Образовать на созерцании, значит готовить

⁵ Эта часть текста была перечеркнута синим и простым карандашом, но затем карандашное перечеркивание было стерто.

существо созерцательное, пренебрегая и развитием⁶ инстинктов деятельности вовсе, или представив эту задачу – другим средствам. Каким же? И не есть ли история человечества история именно его деятельности в пределах условий возможного для достижения великих целей в борьбе с мелкими? История такое же <...> этой веры, этой борьбы, этих побед. Все достигнутое в прошлом сказалось в сознании современников, оно и есть это прошлое, порывистая деятельностью которого продолжав нас и зовет к делу. История – первое, естественное незаменимое средство к развитию веры в идеал]⁷ и пробуждению порыва к его осуществлению. Ее изучение кажется высшим педагогическим идеалом – созданием существа разумно сознательного, и верующе деятельного. И это достигается прежде всего тем, что сознание современности приводится в связь с прошлым и будущим, оно становится их живым звеном: прошлое уже совершилось, а будущее зависит от современности в свою очередь обусловленной прошлым, которое и изучается. .

Но таким великим педагогическим приобретением от изучения литературы в неразрывной связи с историей, на фоне исторического процесса, не исчерпывается еще педагогическое значение литературы. Само по существу своему литературное творчество есть проявление особого рода мышления.

В литературном произведении можно именно выделить собственную историческую ее основу. Т. е. ту своеобразную, особенно чуткую, тонкую, проникновенную восприимчивость, которая отличает писателя и создает в своем полном развитии – поэтическое восприятие, а затем поэтическое мировоззрение. Таким образом мы берем здесь это мировоззрение, как данное, из каких бы взаимодействующих влияний оно не получилось. [И я уже упомянул, что *писательская восприимчивость сильнее, интуиция также, более чутко*, мышление ярче и выпуклее, и что при таких условиях – его восприятие идет глубже во внутренний смысл вещей и явлений. И здесь две стороны: это во-первых особливость душевных способностей писателя, – изучение их, понятно, дело науки психологической; во-вторых – тот литературный результат, который является следствием этих особенных способностей – а именно поэтического восприятия и]⁸ мировоззрения. Вот это-то второе и подлежит вниманию при изучении литературы. Это-то и составляет ее особенность, как жизненного явления. [Другое подобное – в музыке и изобразительном искусстве, но с разными индивидуальными отличиями для каждого; литературное творчество менее эмоционально, оно неизбежно есть акт высокого напряжения именно сознания, т. к. всякое слово есть мысль (λόγος). В чем особенность поэтического восприятия и мировоззрения? Тэн пытался определить его, не различая литературы от других искусств – как типизм, способность находить трагическое в явлениях, т. е. общее в частном, единое во многом. Тэн со свойственным ему

⁶ Вычеркнуто: активности

⁷ А автографе эта часть текста перечеркнута синим карандашом.

⁸ Эта часть текста отчеркнута на полях синим карандашом

рационализмом придал и искусству познавательное значение. И здесь есть часть правды, только следует лишить мысль Тэна его рационалистической тенденции. Прежде всего:]⁹ в чем – в таком случае – было бы отличие познания поэтического от научного? Поэтическое – по преимуществу интуитивно, научное – дискурсивно. Изощренным интуитивизмом – и отличается поэтическое восприятие от всякого другого. Но поэтическое познание, или как это обыкновенно называется, проникновение в жизнь, не есть еще последний результат, само по себе оно только естественное следствие поэтической восприимчивости. Из этого своего интуитивно добытого познания поэт создает силой фантазии новый ряд явлений, соответствующий воспринятому в опыте и получивший конкретный синтез в творческом сознании. Цель поэта повторить эти явления в таком синтезе, чтобы известный их ряд представлял целостный организм и новое явление. Литературное произведение и есть такой новый организм. Стало быть – *литературное произведение является живым организмом, как порождение синтетической переработки в творческом сознании своеобразной интуиции, исключительной по силе и проникновенности.*

Бегло выражаясь: в противоположность ему – научное познание – дискурсивно, аналитично и абстрактно. – Интуитивное по своей природе, глубоко синтетическое, при полной конкретности – литературное творчество является в ряду с научным важным предметом изучения, так как, собственно, научное мышление представляет собой нечто исключительное: его качество иное, чем обыденного, поэтическое же – то же, что обыденное, но в высшем напряжении и развитии между ними разница только в степени.

[Какое место занимает в литературном изучении эстетическое, начало прекрасного? Оно, по-видимому, выпало при нашем определении поэтического восприятия, как синтетического процесса на почве интуитивной, между тем, как обыкновенно оно занимает такое важное место в литературных «теориях». Но я поступил так с известной целью.

Ведь следует согласиться, что эстетическое не составляет существа литературы, если даже разуместь под этим понятием литературу художественную. Иначе пришлось бы назвать Достоевского, например,¹⁰ иногда Л. Толстого, не говоря уже о таких художниках как Глеб Успенский – не художниками.]¹¹ А где у них эстетическое? Но если нет, в чем же тогда их художественность? – В изощренной интуиции и живом (л. 12 об.) синтезе на ее почве. Могла ли она сказаться в «прекрасном» синтезе? Надо думать, могла бы. Выиграли бы от этого их творческие создания? Кажется, нет сомнения, что выиграли бы... – Не является ли таким образом эстетическое высшим пределом литературного процесса, к которому он стремится? – Разумеется, художественное, развившись до прекрасного, заключая этот

⁹ Эта часть текста в автографе перечеркнута простым карандашом.

¹⁰ Вычеркнуто: **отчасти Толстого, Золя**

¹¹ В автографе перечеркнуто было синим карандашом, потом перечеркивание стерто

новый, по сравнению с лишенным его интуитивным синтезом, элемент, явится еще более содержательным материалом литературного изучения.

Я не берусь решать здесь является ли эстетическое созерцание высшим развитием вообще мышления интуитивного, но ясно, что *эстетическое способно преимущественно возбудить сознание одухотворенности всего сущего, следовательно, показать внутреннюю самоценность каждого явления жизни.* Эстетическая интуиция чужда голого абстрагирования, но она никогда и не грубо конкретна, *она материальное воспринимает как психическое, психическое ощущает как материальное.* Притом она есть чистое созерцание интуитивного характера, в этом и *достоинство и недостаток ее в деле педагогического воздействия.*

Нечего говорить, насколько развитие созерцательности повышает, расширяет и углубляет сознание человека, но мне уже пришлось говорить и о том, ... оно не крылат к живому делу. Если вспомнить при этом, что развитие историзма в сознании всегда находится на пороге к развитию тоже созерцательности (хотя и иного порядка, т.е. дискурсивного), и что для того, чтобы сообщить исторически пробужденному сознанию активность, необходимо присутствие особых социально-исторических импульсов в преподавании, то становится понятной опасность эстетического изучения литературы. Такого рода изучения и требовала ведь, и не бессознательно, наша¹² школа в своем пособничестве общественно-политической реакции.

Поэтому я и высказываюсь за осторожное обращение с эстетическим изучением, как с сильным и опасным педагогическим орудием. Но без эстетического жизнь не полна, так сказать, не красочна и легко становится грубо конкретной; эстетическое – великое орудие в борьбе с плоским утилитаризмом. Вспомним, что еще по определению романтических идеалистов, в высшей правде сливаются истина, добро и красота: теоретическое, этическое и эстетическое. Эстетическое не опасно, если оно будет находиться в связи с развитием этического; ведь это последнее является коррективом и для теоретического в виду грозящей с его стороны пассивной созерцательности.

Вообще же, следует сказать, что педагогическое значение эстетического, несмотря на то что изучение литературы так долго являлось как раз эстетическим, еще не оценено. Искусство совершенно не изучается в нашей школе, в нашей цивилизации – его культурное значение ничтожно, и это, надо думать ее порок, а не достоинство. Жизнь без красоты в обиходе, в обстановке дичает. Пробуждению любви именно к этой стороне жизни в высшей степени способствует изобразительные искусства, нам и невозможно не отвести видного места в каждой системе истинно человеческого воспитания, также как и музыке – воплощению в звуках интуитивно постигаемой гармонии.

Откроем в школе двери искусству, как можно шире и смелее. Минуя его в развитии сознания, мы рационализируем сознание, без того до

¹² Вычеркнуто: правительственная

крайности рационализированное современной научной культурой. При этом ценность педагогического значения искусства усиливается еще тем соображением, что, освобождая сознание через искусство от исключительного рационализма, мы не рискуем в то же время сделать сознание обнажено мистичным, так как искусство – жизненно конкретно. Мы только способствует развитию вообще интуитивизма и фантазии, в противовес дискурсивному, рационалистическому мышлению научному. Опасность развития при этом исключительной созерцательности, как сказано, устраняется эстетическим коррективом.

Но зачем вводить искусство, если эстетическое развитие, может быть, удалось бы достигнуть изучением литературы? Есть в литературе что-нибудь, что не дается изобразительным искусством и музыкой? Без сомнения – интуиция и здесь и там, но творческий синтез в изобразительном искусстве конкретнее и едва ли лежит в пределах сознания, в музыке же синтез – едва ли не мистического порядка, и прямо лежит за пределами сознания и не поддается всем доступному анализу. Литературный синтез есть акт чистейшего сознания, хотя и на интуитивной почве, поэтому совершенно осязателен для обыкновенной разговорной мысли и вполне поддается ее всем доступному анализу.

И здесь мы имеем третье педагогическое приобретение от изучения литературы: осязательностью творческого литературного синтеза достигается возможность изучать по литературному произведению самую жизнь, которая так или иначе отражается в ней, или как прямое изображение или теми «вопросами жизни», которые волнуют писателя. Проследивая синтетическую работу, которая представляет собой процесс интуитивно-синтетического постижения действительности, мы учимся методу постижения самой жизни.

Итак заключаем: способствуя на ряду с искусством выработке интуитивизма и фантазии, но более осязательная для собственно сознания, чем другие искусства, вводя личное сознание в круг общего исторического сознания, которого личное является живой, органической и творческой частью, двигая таким образом к общественной деятельности и участию в достижении исторических целей, литература, наконец, является в школе действительной учительницей жизни, подымая вопросы жизни, давая сознанию метод ее постижения.

Гиппиус.